

Сун Хайлинь стоял за его спиной и заглядывал в сковороду.

Глядя на это, он понял, что Су Шэнь действительно не очень разбирается в готовке, и то, что он не умеет контролировать количество специй, — не шутка.

Су Шэнь клал пельмени один за другим, как будто вышивал на сковороде. Но, вероятно, больше он просто не мог успеть.

Сун Хайлинь подумал, что к тому времени, как Су Шэнь закончит свою «вышивку», он уже превратится в настоящего голодного духа.

Когда Су Шэнь положил в масло третий пельмень, Сун Хайлинь взял уже готовый пельмень и сунул его в рот.

Он действительно был очень вкусным.

Су Шэнь неторопливо жарил пельмени, а Сун Хайлинь ждал, съедая каждый, как только тот оказывался на тарелке.

На пятом пельмене он заколебался и спросил:

— Братец, можно тебя спросить?

— Спрашивай, — Су Шэнь наблюдал, не стали ли пельмени в сковороде золотистыми.

— Ну, в тот день, когда я переводился, — Сун Хайлинь потер руки, — помнишь, я съел у тебя булочку с фенхелем?

— Что, хочешь отблагодарить за еду? — усмехнулся Су Шэнь.

— Нет... Эй, не перебивай.

— Ладно, не буду, продолжай, — Су Шэнь перевернул пельмень, он был золотистым, и он остался доволен.

— Ну, вот, как будто ты читал ту книгу, помнишь? — сказал Сун Хайлинь.

— У тебя логика, как у змеи, — засмеялся Су Шэнь. — Почему бы тебе не спросить, сколько цветочков на моём ланчбоксе, помню ли я их?

— На твоём ланчбоксе есть цветы?

— Есть... — начал Су Шэнь, но Сун Хайлинь тут же перебил его:

— Я же сказал, не перебивай, хочешь, чтобы я спросил или нет?

— Эй, ты спрашиваешь меня, а не просишь, а ведёшь себя, как будто ты старший брат, — Су Шэнь выложил жареные пельмени на тарелку и предупредил Сун Хайлиня, который уже загорелся при виде пельменей:

— Горячие, подожди.

— Ты будешь слушать или нет, — Сун Хайлинь всё ещё смотрел на золотистые пельмени.

Су Шэнь тоже посмотрел на пельмень. С самого начала это был самый удачный, цвет идеальный, складки идеальные, форма идеальная.

— Спрашивай, — сказал Су Шэнь.

— Можешь не использовать инверсию? Я чуть не запутался, — Сун Хайлинь быстро сунул пельмень в рот.

Су Шэнь положил в сковороду ещё один:

— Спрашивай.

— Хех, — усмехнулся Сун Хайлинь. — Вот, тогда твой комментарий, я мельком увидел, что ты написал, что это значит?

— Какой? — спросил Су Шэнь. — У меня в книге десятки комментариев.

— Вот этот... — Сун Хайлинь кашлянул. — Ну... «Чушь».

— А? — Су Шэнь немного подумал, прежде чем понял, что это не к нему, а к комментарию. — «Древний Китай, мужская красота?»

Сун Хайлинь не смотрел на него, внимательно наблюдая за пельменями в сковороде:

— Ага.

Су Шэнь надолго замолчал, даже не перевернув пельмень. Сун Хайлинь не знал, о чём он думал, и украдкой посмотрел на него.

Увидев его, он понял, что Су Шэнь всё это время улыбался и смотрел на него.

— Я думал, когда ты на меня помотришь, — сказал Су Шэнь.

— Я, — Сун Хайлинь запнулся.

Су Шэнь поманил его вниз, и он наклонился:

— Что?

— Подойди ближе, я тебе шепну, — Су Шэнь улыбался, как лиса, заманивающая студента на экзамене.

Сун Хайлинь, словно заколдованный, невольно наклонился к нему, подставив ухо.

Улыбка Су Шэня становилась всё шире, и он вдруг ущипнул его за мочку уха.

Новый год.

В голове Сун Хайлиня пронеслась эта мысль.

Сун Хайлинь резко встал, в процессе опрокинув маленький табурет, задел край таза, задел журнальный столик, на котором стоял термос с имбирным чаем, который едва не упал, но маленькие чашки на подносе не удержались и с грохотом опрокинулись.

Су Шэнь вздохнул, глядя на свои вещи, которые чудом уцелели.

Сун Хайлинь смотрел на него, как на привидение, видимо, ещё не оправившись, и, стоя в полуметре от него, тихо дышал, не решаясь смотреть на Су Шэня.

Су Шэнь повернулся, чтобы перевернуть пельмень на сковороде, затем подпер голову рукой и смотрел на мелкие брызги масла вокруг пельменя, а через некоторое время сказал:

— Эй, прости, не знал, что ты так легко поддаёшься на провокации.

Сун Хайлинь уставился на его спину, думая про себя: «Ты называешь это провокацией?»

— Эй, ты больше не будешь со мной разговаривать? — Су Шэнь повернулся, держа в щипцах только что поджаренный пельмень, а другой рукой подставляя ладонь, вытянув щипцы вверх.

Су Шэнь кивнул ему на пельмень.

Сун Хайлинь всё ещё не двигался.

— Ты...

Су Шэнь только начал говорить, как дверь их дома открылась, впус­тив порыв холодного воздуха.

Все в комнате повернулись к двери.

Вошла бабушка Сун, сначала с улыбкой поздравила бабушку Су с Новым годом, а затем сказала Сун Хайлиню:

— Пора идти, твои родители уже ждут в машине.

— А... — отозвался Сун Хайлинь, наконец-то вырвавшись из странной неловкой атмосферы.

— Быстрее, быстрее, — поманила бабушка Сун.

Сун Хайлинь сделал шаг к выходу, мельком взглянув на Су Шэня, который всё ещё стоял с поднятым пельменем.

Су Шэнь сначала замер, почувствовав взгляд Сун Хайлиня, затем с трудом улыбнулся, сунул пельмень себе в рот и, жуя, сказал:

— Ты уходишь?

— Ага, — сказал Сун Хайлинь.

— Тогда... — Су Шэнь запнулся.

— Что?

— Ничего, — Су Шэнь улыбнулся. — Будь осторожен в пути.

— Угу.

После этого Сун Хайлинь, вероятно, сам почувствовал, что это звучит сухо, и добавил:

— Это мне говорить бесполезно, ведь за рулём не я.

Он хотел пошутить, но шутка не удалась, и Су Шэнь снова не смог ничего сказать, так что лучше было промолчать.

Бабушка Сун снова позвала его у двери, и он только бросил:

— Я пошёл.

И выбежал.

Су Шэнь посмотрел на два оставшихся холодных пельменя на тарелке, бросил их на сковороду, кончики щипцов всё ещё давили на один из пухлых белых пельменей, он задумался, забыв убрать их.

Бабушка Су сделала глоток чая и неспешно сказала:

— Ты проводи его, я ногами не очень, не пойду.

Кто из них хуже ходит, подумал Су Шэнь.

Но, услышав это, он словно очнулся, поднял голову, бросил щипцы в сковороду и поспешно вышел.

Табурет на полу снова упал.

Бабушка Су крикнула ему вслед:

— Сковорода!

Он быстро вышел, делая вид, что не слышит.

У двери он как раз увидел, как Сун Хайлинь садится в машину, край его одежды мелькнул снаружи, и дверь захлопнулась.

Он открыл рот, но в итоге ничего не сказал.

Эта машина, в отличие от развалины Тянь Чжэ, не издавала странных звуков, поэтому Су Шэнь даже не успел опомниться, как она бесшумно завелась, медленно тронулась, подняв мелкие льдинки, и поехала по грунтовой дороге.

Су Шэнь смотрел на удаляющуюся машину, и в его сердце вдруг стало пусто.

Так просто уехал?

И опять ничего не сказал.

Только когда машина свернула на главную дорогу, Су Шэнь медленно повернул голову.

Эта сцена казалась знакомой.

Его пальцы по очереди стучали по подлокотнику, ветер проникал через дыры в свитере. Когда же это было? Су Шэнь нахмурился, пытаясь вспомнить.

— Отец Гуданя!

Тянь Чжэ крикнул Су Шэню сзади, и он обернулся.

Только повернувшись, он увидел, как Тянь Чжэ бросает ему что-то. Он машинально протянул руку, поймал и, разжав ладонь, увидел шоколадку.

И тут его осенило.

Шоколадка.

Теперь он понял, почему эта сцена казалась знакомой.

Это воспоминание было чуть ли не самым ранним.

Оказывается, он видел Сун Хайлиня в детстве. Су Шэнь прищурился, глядя на кривое дерево неподалёку, именно под ним, тоже зимой, в Новый год.

<http://bllate.org/book/15285/1350537>